

УДК 1(410)(091)+929; 1(091) + 167.5

И. С. Дмитриев, В. П. Крепостнова

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЖИ И ГОРИЗОНТЫ ПОЗНАНИЯ (ФРОНТИСПИС «INSTAURATIO MAGNA» Ф. БЭКОНА)

Ф. Бэкон, как и многие другие философы раннего Нового времени, придавал большое значение художественной репрезентации своих философских концепций. Новаторские идеи Ф. Бэкона раскрывались им не только средствами собственно философского нарратива, но и через трактовку мифологических и исторических сюжетов, а также через сложную символику гравюр, украшавших титульные листы трудов английского философа. Гравюра на фронтисписе трактата Ф. Бэкона «Великое восстановление наук» (1620) выражает в метафорической форме суть проекта развития науки, изложенного в этом сочинении. Рассматривается символика этой гравюры и ее исторические и философские контексты.

Фрэнсис Бэкон, Великое восстановление наук, Новый Органон, фронтиспис, Геркулесовы столбы

У наук есть как бы свои роковые пограничные столбы; и проникнуть далее не побуждает людей ни стремление, ни надежда.

Ф. Бэкон [1, т. 1, с. 60]

Гравюра, украсившая фронтиспис первого издания «Нового органона» Фрэнсиса Бэкона (*Francis Bacon*) (1564–1626) [2] (рис. 1), широко известна и часто воспроизводится в современной литературе. Вместе с тем история и символика этой знаменитой гравюры исследованы крайне мало.

Как правило, комментаторы ограничиваются лапидарными замечаниями, например: «на гравюре титульного листа первого и второго изданий “Нового Органона” изображен корабль с поднятыми парусами, как бы символизирующий человеческий разум, стремящийся к познанию. Он проплывает меж двух столбов (колонн), образ которых, возможно, навеян мифом о Геркулесовых столбах» [1, т. 1, с. 525]. Рассмотрим детальней как историю создания указанного изображения, так и его философские и исторические коннотации.

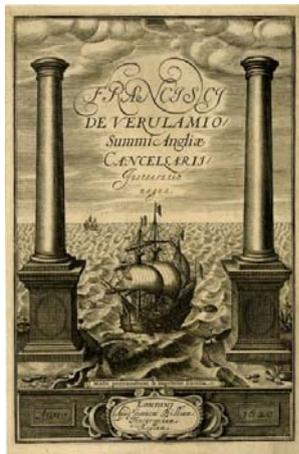

Рис. 1

Дар британского Платона британскому Соломону¹. В 1620 г. в Лондоне вышло в свет напечатанное *in folio* сочинение Ф. Бэкона *Instauratio Magna Scientiarum* (Великое восстановление наук), которое включало в себя «*Novum Organum Scientiarum*» (Новый Органон наук). Над этим произведением Бэкон работал свыше десяти лет. Некоторые идеи были им сформулированы уже в его ранних произведениях и фрагментах.

Фолио 1620 г. включало в себя «Вступление» (*Proœmium*), посвящение королю Якову I, общее предисловие (*Præfatio Generalis*) и

¹ «Британским Платоном» назвал Ф. Бэкона английский поэт и философ С. Т. Кольридж (*S. T. Coleridge*) (1772–1834) [3, с. 5].

«роспись», т. е. план всего сочинения (*Distributio Operis*) – перечень шести частей, из которых должно было состоять «*Instauratio*», и их краткое содержание. В основу первой части – «Разделение наук» (*Partitions Scientiarum*) – Бэкон намеревался положить текст сочинения под названием «О достоинстве и приумножении наук» (*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*).

Второй частью *Instauratio* стало неоконченное сочинение «Новый органон», полное название *Pars secunda operis, quae dicitur Novum Organum, sive indicia vera de interpretatione nature* («Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы»). Третью часть *Instauratio* составили трактаты, отрывки, наброски и вступления, касающиеся «естественной истории» – отдельных явлений и процессов природы, а для четвертой и пятой частей были написаны лишь краткие предисловия. Шестая часть «Великого Восстановления» – по мысли Бэкона, главная – осталась лишь в качестве замысла (*desideratum*). Кроме того, в 1620 г. в одном томе с «Новым Органоном» Бэкон опубликовал работу *Parasceve ad historiam naturalem et experimentalem* («Приготовление к естественной и экспериментальной истории»). Таким образом, большую часть задуманного Бэкону реализовать не удалось, но тем не менее он сумел, особенно в «Новом Органоне», изложить главное: учение о методе и основы индуктивной методологии.

Несколько слов следует сказать об истории создания и публикации первой части *Instauratio*. В 1605 г. Бэкон опубликовал на английском языке трактат из двух книг, озаглавленный *The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human* («Успехи и развитие знания божественного и человеческого») [4], в котором доказывал важность и необходимость развития наук для процветания государства. Спустя семнадцать лет, в июне 1622 г., он в частном письме сообщил, что послал для перевода на латинский язык свой новый труд о значении и развитии наук. Речь шла о *De Dignitate et Augmentis Scientiarum*. Труд этот, однако, не вошел в издание *Instauratio* 1620 г. и был опубликован на латинском языке позднее, в 1623 г. В это же издание полностью вошел трактат 1605 г. Первые книги обоих трактатов (английского и латинского) во многом совпадают, тогда как содержание второй книги английской версии (1605) вошло в разные книги латинского издания (1623) в заметно переработанном и расширенном виде².

Есть основания полагать, что первая книга *The Proficiency and Advancement of Learning* была закончена в 1603 г., непосредственно после восшествия Якова I на английский престол, тогда как вторая книга этого сочинения была написана в 1605 г. В 1604 г. Бэкон был сильно загружен административными делами, и возможности продолжать работу над текстом у него практически не было. Однако для него было важно как можно скорее опубликовать свой труд, пусть даже не вполне заверченный и отделанный. Бэкон торопился познакомить нового монарха со своими идеями о значимости наук для государства. Как опытный политик и хороший психолог сэр Фрэнсис понимал, что нового монарха следует как можно скорее вовлечь в орбиту своих идей, пока королевское внимание не отвлекли другие заботы. Бэкон не мог похвастать тем, что его идеи получили признание современников. Еще в 1609 г. он признавался, что равнодушные читатели ставят его в ряды авторов,

² В 1622 г., посылая своему другу епископу Винчестера Ланселоту Эндрюсу (*Lancelot Andrew(e)s*) (1555–1626) рукопись своего сочинения *Advertisement touching an Holy Warre* (Предуведомление, касающееся Священной войны), Бэкон писал в посвящении: «... Моя книга *Advancement of Learning* может оказаться в известном смысле подготовкой или ключом к улучшенному введению в *Instauratio*, поскольку она являет собой смесь новых и старых догадок, тогда как *Instauratio* предлагает новое в чистом виде, без поношения старого ради создания впечатления» [5, т. 13, с. 186].

наделенных большим воображением, нежели его современники: «...кажется, мне легче беседовать с древними, чем с теми, с кем я живу» [6, т. 11, с. 146].

Кроме того, Бэкона подстегивало желание получить высокую придворную должность, чего ему не удалось при Елизавете I. Поэтому осенью 1605 г. он публикует *The Proficiency*, сочинение недоработанное, но тем не менее дающее представление о замыслах и идеях автора.

Разумеется, Бэкон понимал: хотя эта публикация несколько возвысит его в глазах Якова, ее недостаточно, чтобы заинтересовать короля самим проектом «восстановления наук». Необходимо было дать развернутое изложение их современного состояния, детально обосновать необходимость новой методологии познания, а также обрисовать пользу от реализации этого проекта для королевства. Именно этим целям служило фолио 1620 г.

Надежды Бэкона на то, что король заинтересуется его проектом и предпримет какие-то шаги по его реализации, имели под собой основания. Якова I часто называли «британским Соломоном». «Ассоциации, связанные с отождествлением Якова и Соломона, появляются сравнительно рано. Среди англичан подобные аллюзии, очевидно, широко распространились позднее. Первое упоминание о легендарном иудейском царе в контексте династической перспективы было сделано Джоном Хэйвордом в проповеди, произнесенной в Пол Кросс 27 марта 1603 г.» [7, с. 381]. В проповеди на похоронах Якова Джон Уильямс, епископ Линколнский, отметил, что в почившем монархе произошла еще при жизни полная реинкарнация соломоновых добродетелей, некогда не увековеченных иудеями, и поправленная справедливость была восстановлена [8, с. 6–8]. Представление о Якове как «британском Соломоне» пронизывает многие произведения искусства, созданные в разных жанрах в правление первых Стюартов [9, с. 26–30]³. Первый Стюарт действительно был высокообразованным человеком, свободно говорил на латыни и французском, хорошо разбирался в поэзии, великолепно знал античных авторов и Священное Писание, оставил множество сочинений на политические и теологические темы. Поэтому у Бэкона были все основания надеяться, что Яков с энтузиазмом воспримет проект *Instauratio Magna Scientiarum*.

12 октября 1620 г. роскошно изданный (подарочный) экземпляр *Instauratio* был преподнесен Бэконом королю. Как человек практического и даже циничного ума сэр Фрэнсис прекрасно осознавал трудности придворного, решившегося давать советы монарху, поэтому придавал особое значение выбору средств для убеждения правителя. «Если хочешь воздействовать на кого-либо, – поучал он читателей в «Опытах» (1597), – надо знать его натуру и склонности, чтобы подчинить его; или его цели, чтобы убедить его; или его слабые места, чтобы застрашать его; или же тех, кто имеет на него влияние, чтобы руководить им через них» [1, т. 2, с. 460]. Бэкон неплохо понял натуру «британского Соломона» и потому использовал все средства воздействия на короля: и личные встречи, и письма, и оформление подносившего труда (о чем далее), включая гравюру на титуле. В посвящении своего сочинения монарху Бэкон обращался к Якову с единственной просьбой: «...чтобы, во многом уподобляясь Соломону – силою правосудия, мирным правлением, величием сердца, наконец, превосходным разнообразием составленных Вами книг, Вы прибавили к этому по примеру того же царя заботу о составлении и завершении истории естественной и опытной, истинной и строгой (отбросившей филологию)» [1, т. 1, с. 59]. Благоприятный в целом ответ Якова [6, т. 14,

³ Правда, по некоторым сведениям «Соломоном, сыном Давида» будущего английского правителя назвал французский король Генрих IV, намекая, что отцом Якова был вовсе не Генри Стюарт, лорд Дарнли (*Henry Stuart, Lord Darnley*) (1545–1567), но придворный музыкант Давид Риччо (*David Riccio* или *Davide Rizzio*) (ок. 1533–1566).

с. 122] вселил в Бэкона надежду, что король отзовется на его обращения и, подобно Соломону, станет содействовать «сбору и окончанию Натуральной и Экспериментальной Истории <...>, на которой может быть построена вся философия» [6, т. 14, с. 130–131].

Впрочем, большинство современников Бэкона отнеслись к его сочинению весьма прохладно. Один из собеседников Д. Чемберлена (*John Chamberlain*) (1553–1628), государственного деятеля и «собирателя новостей», высказался с афористической определенностью: «... дурак такое писать не может, умный не должен» [10, т. 2, с. 329], а выдающийся британский юрист, оппонент и противник Ф. Бэкона, Эдвард Кок (*Edward Coke*) (1552–1633) выразился и того хлеще: «Книга не заслуживает того, чтобы ее читали в школах, ее место на корабле дураков» [11, с. 133]. Теперь о некоторых деталях издания.

Форма, достойная содержания. Хотя истина, как заметил Ф. Бэкон, «дочь времени, а не авторитета» [5, т. 1, с. 291], ее утверждение в большой степени зависит от авторитетности ее носителя. Бэкон сделал все, чтобы издание *Instauratio*, цель которого убедить читателя подчиниться авторитету Природы, всячески подчеркивало авторитетность автора: выбор типографии (ее владелец имел королевский патент, что наряду с высоким положением автора придавало тексту дополнительную значимость в глазах придворных и иных потенциальных читателей), выбор формата (*in folio*) и шрифтов, посвящение королю и, наконец, замечательная гравюра на титульном листе. Бэкон продумал все детали издания и лично контролировал весь процесс публикации *Instauratio*, в том числе и создание гравюры [12, с. схvii]. Подобных прижизненных *folio* между 1616 и 1620 гг. в королевских печатнях (*Printing Houses*) было издано всего девять, включая и сочинения самого монарха.

В период правления Якова I королевская типография отличалась от иных не только монополией на выпуск религиозных изданий (Библии и «Книги общих молитв») на родном языке, но также имела особое значение, выступая в качестве орудия в процессе реализации политики короля, стремившегося через печатное слово продемонстрировать миру достижения национальной культуры и оказать воздействие на дальнейшее развитие европейской мысли.

На право быть королевским печатником, выпускающим издания на английском языке, в тот период претендовали Роберт Баркер (*Robert Barker*) (1570–1645), занимавший эту должность еще при королеве Елизавете I с 1593 г., и двое из графства Шропшир: Бонэм Нортон (*Bohnam Norton*) (1564–1635) и Джон Билл (*John Bill*) (1576–1630). В конце второго десятилетия XVII в. между ними возник спор за долю в предприятии, дошедший в 1618 г. до суда Лорда-канцлера, которым на тот момент являлся Ф. Бэкон, занимавший эту должность с января 1618 г. по май 1621 г. В то время как основные судебные страсти разгорались между вечным должником Р. Баркером и занимавшим изначально должность королевского печатника, выпускавшего издания на других языках (латинском, греческом и иврите) Б. Нортоном [13], Дж. Билл, успевший прежде зарекомендовать себя хорошим руководителем и предпринимателем, имевшим важные для продвижения проекта заграничные связи в печатном деле и книготорговле, был признан добросовестным приобретателем королевской типографии. Немаловажную роль здесь, впрочем, сыграли внесудебные рекомендации самого Якова I, протекцией которого Билл пользовался до конца жизни.

Далеко не случайным был также выбор гравера. Работы Симона ван де Пасса (*Simon van de Passe*) (ок. 1595–1647) из славного голландского семейства издателей и граверов, в 1615–1622 гг. жившего и работавшего в Англии, были хорошо известны в Западной Европе. Ему

принадлежит, в частности, серия портретов членов английской королевской семьи, включая портреты Якова I и его супруги Анны Датской. К сожалению, никаких документов и свидетельств, касающихся отношений между ванн де Пассом и Бэконом не сохранилось. Однако одна деталь на гравюре обращает на себя внимание: надпись, расположенная слева от фрагмента из Книги пророка Даниила, содержит аббревиатуру «*sculp:*»⁴, а не принятый глагол «*fecit*» (создал, сделал). Это указывает, что ванн де Пассе пользовался рисунком или наброском (или, что менее вероятно, словесным описанием), сделанным кем-то другим, возможно, самим Бэконом или художником, которому Бэкон разъяснил свой замысел. В любом случае гравер (прямо или через посредника) получал указания от автора *Instauratio*. В связи с этим уместно упомянуть о двух косых черточках (*solidus*) в названии трактата после слов *Verulamio* и *Cancellaris*. Скорее всего, в наброске титульного листа черточки обозначали конец строки, и по каким-то причинам они так и остались в самой гравюре.

Ключевые слова бэконского проекта. Эта гравюра стала визуальным представлением содержания трактата и служила своеобразным дополнением излюбленного литературного приема Бэкона – использовать для выражения и разъяснения своих мыслей мифологические и исторические сюжеты и аллегории. В Англии украшение титульных листов книг гравюрами вошло в моду при первых Стюартах, хотя можно привести и более ранние примеры. Сам факт наличия такой гравюры, заметно удорожавшей издание, свидетельствует о важности, которую придавал своему труду автор.

Ее композиционный замысел был ненов. Похожее изображение со столпами Геркулеса и кораблем в открытом море использовалось для оформления титульного листа сочинения испанского космографа Андреса Гарсия де Чеспедеса (*Andres Garcia de Céspedes*) (1545–1611) «Правила мореплавания» (рис. 2), опубликованного в 1606 г., т. е. более чем за десятилетие до выхода в свет *Instauratio* Бэкона [14].

Несмотря на практическую направленность трактата, в работе Чеспедеса (которая, на самом деле, представляет собой две книги: тщательно разработанное руководство по мореплаванию, содержащее идею революционного преобразования основ, на которых базировались навигационные практики того времени, и труд по географии) выдвигается идея дальних морских плаваний как главнейшего средства получения нового знания. И словно для пущей убедительности иллюстрацию на заглавной странице работы испанца венчает девиз *Plus Ultra*

Рис. 2

(о котором речь пойдет далее). Однако не стоит делать поспешных выводов о заимствовании Бэконом идеи данного образа у Чеспедеса. Для подобных заключений мы не имеем достаточных оснований. Более того, в 1605 г., т. е. за год до публикации «Правил мореплавания», Бэкон уже обращается к символике Геркулесовых столпов в *The Proficiency*. Теперь обратимся к текстовым элементам гравюры, украшающей *Instauratio*, и начнем с главного слова названия сочинения.

Впервые, насколько можно судить по дошедшим до нас рукописям Бэкона, термин *Instauratio* встречается во фрагменте, который, как принято считать, был написан не позднее лета 1608 г. (иногда его датируют 1603 г.). В конце рукописи раннего

⁴ Латинский глагол *sculperе* означает «вырезать, высекать, запечатлевать».

сочинения Ф. Бэкона *Valerius Terminus*, которое можно рассматривать как один из первоначальных набросков *Instauratio*, имеется небольшой фрагмент, озаглавленный *Temporis partus masculus* (в переводе М. А. Кисселя «Плодотворный отпрыск времени» [15, с. 5]). Этому фрагменту предшествует выписанная на отдельном листе короткая латинская молитва, над текстом которой находится надпись: «*Temporis partus masculus, sive Instauratio Magna imperii humani in universum*» (Плодотворный отпрыск времени, или Великое восстановление человеческой власти во Вселенной).

В XVI и в начале XVII столетия термин «*instauratio*» был если не новым, то редко применявшимся в светской литературе⁵, тогда как в латинской Библии (*Vulgata*) глагол *instaurare* и производные от него встречаются неоднократно, чаще всего, когда речь идет о восстановлении Храма Соломона, но также и в других контекстах.

В словаре Томаса Купера (*Thomas Cooper*) (ок. 1517–1594) *Thesaurus Linguae Romanae et Britannicae* (1565) [17] приводится следующее толкование глагола *instaurare*: вновь что-то делать или снова начинать. Данные в этом словаре примеры из классической латыни касаются религиозных тем, скажем, поклонения кому-то или чему-то, жертвоприношения (например, «*Instaurabat sacrum dijs loci* (он радостно приносил жертвы местным богам)»), восстановления боевого порядка, сил, мужества, запасов, возобновления попыток или действий (войны, пира, праздников и т. п.). Все эти толкования отличаются от того смысла, который в слово *instauratio* и родственные ему вкладывал Ф. Бэкон: восстановление знаний, культуры, власти над чем-то или кем-то, например: «тщетно ожидать большого прибавления в знаниях от введения и прививки нового к старому. Должно быть совершено обновление до последних основ (*sed instauratio facienda est ab imis fundamentis*), если мы не хотим вечно вращаться в круге с самым ничтожным движением вперед» [1, т. 2, с. 17], [5, т. 1, с. 248].

Правда, в эпоху Ренессанса понимание слова *instauratio* несколько изменилось, отчасти приблизившись к бэконскому. Например, в романе Ф. Рабле (*Francois Rabelais*) (1494? – 1553), который был известен Бэкону, Гаргантюа в письме Пантагрюэлю с радостью сообщает: «Ныне науки восстановлены (*restituées*), возрождены (*instaurées*) языки» [18, с. 168].

Однако, если Гаргантюа полагает, что бессмертие достигается гражданскими добродетелями, то Бэкон, убежденный, что «деяния Орфея в такой же мере превосходят деяния Геркулеса своим величием и мощью, как творения мудрости превосходят творения силы» [1, т. 2, с. 259], полагает, что «самая благородная задача естественной философии – это восстановление и укрепление (*restitutio et instauratio*) всего преходящего», и эта задача много выше и первичней гражданских задач и доблестей, поскольку философия «побуждает народы объединиться, <...> и, покорно слушая наставления науки, забыть о необузданных аффектах» [1, т. 2, с. 260].

В целом же бэконское понимание *instauratio* соединяет в себе различные контексты этого понятия: религиозный (он называет Бога «*Deus universi Conditor*», «*Conservator*», «*Instaurator*» [5, т. 3, с. 209], т. е. Творцом, Хранителем и Восстановителем мира), архитектурный (как правило, в метафорическом смысле), политический (он внушает Якову, что «по заслугам принадлежит это возрождение и восстановление наук временам государя мудрейшего и ученейшего изо всех» [1, т. 1, с. 59]) и профетический (примером чего могут служить заключительные слова «Нового органа»: «...человек пав, лишился и невинности, и владычества над

⁵ Примером может служить книга Т. Браге (*Tycho Brahe*) (1546–1601) «Приготовление к обновленной астрономии» [16], которая, кстати, была посвящена Якову I (тогда еще шотландскому королю Якову VI).

созданиями природы. Но и то и другое может быть отчасти исправлено и в этой жизни, первое – посредством религии и веры, второе – посредством искусств и наук» [1, т. 2, с. 214]). Теперь перейдем к другому текстовому элементу гравюры – цитате из Книги пророка Даниила.

Этот библейский текст, в том виде как его привел Бэкон, гласит: «*Multi pertransibunt et augebitur scientia*» (Daniel, 12:4)⁶. Во времена Бэкона такие *motto* называли «*the mind of the frontispiece*» (душа фронтисписа). Подобная надпись не была обязательным элементом визуальной символики издания, но если она все же присутствовала, то ее функция, как правило, состояла в пояснении смысла изображения, которое можно было трактовать по-разному.

Прежде всего отметим, что это не точная цитата. В *Vulgata*: «*Plurimi pertransibunt, et multiplex erit scientia*». В протестантской Библии И. Тремеллия (*Immanuel Tremellius*) (1510–1580): «*Percurrent multi, et augebitur cognitio*»⁷. У Бэкона же – некая комбинация приведенных вариантов, хотя в целом смысл библейского стиха передан адекватно. Впрочем, некоторые смысловые оттенки отметить можно. Бэкон использует слово «*multi*» (*pl.* от *multus*) – многие, но не большинство, тогда как в *Vulgata* используется *pl.* от *plurimus* (*superl.* к *multus*) – очень многие, большинство. Таким образом, Бэкон несколько снижает пафос перевода Св. Иеронима.

Далее у Бэкона, как и в *Vulgata*, четко обозначены причина и следствие, т. е. взаимосвязь между действием, выраженным глаголом *pertransire* (проходить насквозь, переходить, миновать, проходить), и возрастанием знания (*scientia*): знание – это результат, следствие некоторого процесса, оно есть нечто новое, а не просто продолжение чего-то, как следует из перевода Тремеллия. Если принять во внимание также зрительный образ, с которым сопряжена цитата из Св. Писания, то смысл *motto* еще более конкретизируется: знание может и будет возрастать вследствие путешествий, причем путешествий к неизведанным землям, «езды в незнаемое». И, наконец, если учесть, что Бэкон обратился к пророческому тексту Библии, то представленное на фронтисписе обретает ясный миллениаристский смысл: Бог вмешался в ход истории, результатом чего стала Реформация, т. е. очищение религии, что в свою очередь следует рассматривать как приурочивание ко второму пришествию, когда человек сможет вновь обрести свое совершенство и блаженство, утраченные при грехопадении, причем рост знания – это условие и признак возрождения человека.

В «Новом Органоне» Бэкон, обращаясь к цитированному на титульном листе *Instauratio Magna* пророчеству, писал: «Не следует упускать из виду пророчество Даниила о последних временах мира: “Многие пройдут, и многообразно будет знание”, явно указывающее, что судьбой, т. е. провидением, определено, чтобы совпали в одно и то же время прохождение через мир (который уже пополнен столькими дальними плаваниями и пополняется) и рост наук» [1, т. 2, с. 55]. Как видим, для Бэкона характерно не линейное, но, скорее, циклическое понимание исторического времени: благодаря грядущему увеличению знания человечество окажется в новом золотом веке, на пороге которого оно уже пребывает. Однако случается так, что «после периодов расцвета государств вдруг начинаются волнения, восстания и войны; <...> науки и философия оказываются растерзанными, так что только их обломки удастся найти кое-где, подобно доскам корабля после кораблекрушения; и тогда наступают времена варварства, воды Геликона скрываются под землю до тех пор, пока по прошествии должного времени и смены обстоятельств они вновь не вырвутся наружу, но, быть может, уже в других местах и у других народов» [1, т. 2, с. 261].

⁶ «Многие пройдут и умножится знание».

⁷ Цитируя Библию, Бэкон чаще всего обращался именно к указанным латинским переводам [19], [20].

Гравюра не только соответствует смыслу *motto*, но и уточняет его: золотой век придет благодаря росту не просто знания, но именно науки, систематического изучения окружающего мира. И прежде всего благодаря путешественникам-первооткрывателям, которые открыли Новый Свет, а значит, пророчество уже отчасти исполнилось.

Следует также отметить, что и библейская цитата, и используемые зрительные образы апеллируют к идее необходимости коллективных усилий для достижения цели – и рост знания, и строительство, и использование кораблей, как и далекие плавания по неизведанным морям, требуют согласованных действий многих людей, чему посвящены многие страницы произведений Бэкона [21].

«Где Геркулес воздвиг свои межи». Корабли, изображенные на гравюре, плавают в океане, что символизирует выход за границы традиционного, ограниченного знания к новому, безграничному. Более того, Бэкон призывает не бояться выйти на необъятный простор нового познания, освободившись от рабской привязанности к «мудрости древних». Как сказано в «Новом Органоне», «не должно считать малозначимым и то, что дальние плавания и странствия (кои в наши века участились) открыли и показали в природе много такого, что может подать новый свет философии. Поэтому было бы постыдным для людей, если бы границы умственного мира (*globi intellectualis*) оставались в тесных пределах того, что было открыто древними, тогда как в наши времена неизмеримо расширились и прояснились пределы материального мира, т. е. земель, морей, звезд» [1, т. 2, с. 46].

Однако чтобы устремиться в неизвестное, требуются люди особого склада характера, ибо «старания людей заключены, как в темнице, в писаниях некоторых авторов, и если кто-либо не согласится с ними, то будет тотчас обвинен как бунтарь и алчный до перемен человек» [1, т. 2, с. 53]. Вот он, герой новой науки – «бунтарь и алчный до перемен человек (*homo turbidus et rerum novarum cupidus*)» [5, т. 1, с. 310]. Сюжет избранного Бэконом изображения содержит явный намек на риск, с которым неразрывно связан процесс получения нового знания. Теперь о некоторых деталях.

Заметим: колонны, символизирующие Геркулесовы столпы, не центрированы на постаментах, но немного смещены так, чтобы увеличить пространство между ними. Расстояние между осями колонн равно их высоте, поэтому оси оказываются сторонами квадрата, часть площади которого занимает лапидарный заголовок сочинения. Такой прием, наряду с низко опущенной линией горизонта, позволил подчеркнуть необъятность воздушного и водного пространства за столпами.

Геркулесовы столпы обычно отождествляют с горами, расположенными на восточных оконечностях мысов, замыкающих Средиземное море с севера и юга: Кальпа (Гибралтар) на северном берегу пролива и Абила (Абилика, Кевта) – на южном. Согласно Страбону, который в свою очередь цитировал Пиндара, во время путешествия на запад Геракл отметил самую дальнюю точку своего маршрута. Она и стала границей для мореплавателей в античную эпоху, поэтому в переносном смысле «геркулесовы столбы» – это край света, предел мира, и выражение «дойти до геркулесовых столбов» означает «дойти до предела». Колонны с незапамятных времен охраняли вход в святые места и загадочные царства, символизируя тем самым проход в неизвестный мир.

Столпы издавна служили символом предела человеческих возможностей в познании окружающего мира, что нашло свое выражение в известной фразе «*Non/Ne plus ultra*» (не дальше!), соотносимой именно с данным географическим объектом – проливом, разделявшим Атлантический океан и Средиземное море, Африку и Европу и «обрамленным» двумя скалами.

К эмблематике Геркулесовых столпов как символа ограниченности познания Бэкон обращался не раз. Примером может служить фраза из *Cogitata et visa* (1607): «*Columnas non ultra progrediendi magnopere fixas esse*» (Столпы были воздвигнуты, дальше которых категорически нельзя продвигаться) [5, т. 7, с. 105]. В посвящении королю второй книги *The Proficiencie* Бэкон писал: «Доколе, наконец, мы будем видеть в лице немногих избранных писателей что-то вроде геркулесовых столбов, дальше которых мы якобы не имеем права продвинуться в науке, в то время как Вы, Ваше Величество, служите нам сверкающей путеводной звездой, указывающей счастливый путь в нашем плаваньи?» [1, т. 1, с. 139].

Хотя на гравюре титульного листа *Instauratio* девиз «*Plus ultra*» отсутствует, он подразумевается в контексте изображения, а потому остановиться на истории и смыслах этого *motto*, равно как и предписания «*Non plus ultra*», представляется уместным.

Указанная символическая комбинация (упоминание или/и изображение Геркулесовых столпов + *motto* «*Non/ne plus ultra*») встречается уже у античных авторов [22, т. 1, с. 212; 23, с. 183; 24, с. 32].

В начале V в. до н. э. столбы стали восприниматься как граница, которую не следует преступать морякам, поскольку за ней их поджидают большие опасности [25, S. 149–155]. Об этом свидетельствуют, в частности, строки од Пиндара (ок. 522 – ок. 443 гг. до н. э.) [26, с. 22, 129]⁸:

«... В доблестях людских – Ферон
Ныне достиг предела, коснувшись Геракловых столпов.
Дальнейший путь
Заповедан мудрому и немудрому»;
«Но нет путей на закат
Дальше Гадира».

О Геркулесовых столпах как крае земли и границы для мореплавания писал Платон [27, т. 3, ч. I, с. 595]. Согласно античной традиции, на Гибралтарской скале и скале Абила были установлены две статуи на высоких колоннах, представляющие собой своеобразные ворота из Средиземного моря в Атлантику. В 711 г. колонны и статуи были разрушены по приказу арабского полководца Тарика ибн Зияда (670–720).

В 1287 г. итальянский историк и поэт Гвидо де Колумна (лат. *Guido de Columna*, итал. *Guido delle Colonne*) (1210?–1287?) утверждал, что арабы не только не разрушили колонн Геракла, но и на одной из них сделали надпись (по-арабски), предупреждавшую моряков об опасности выхода в океан. В латинском переводе Гвидо: «*quidam locus a quo sufficit ultra non ire*» (некое место, дойти до которого достаточно, чтобы не идти дальше) [28, с. 9–10].

Упоминание о Геркулесовых столпах как пределе постигаемого мира встречается около 1310 г. у Данте в речи томимого в восьмом круге Улисса (Одиссея) [29, с. 171]:

«Войдя в пролив, в том дальнем месте света,
Где Геркулес воздвиг свои межи,
Чтобы пловец не преступал (*più oltre*) запрета».

И словно для того, чтобы окончательно убедить читателя в необходимости соблюдать запрет, Улисс повествует о трагической гибели своего корабля. Рожденные «к доблести и знанью» начинают свой «дерзкий путь» в новый мир, но лишь он предстает пред их глазами, их торжество сменяется плачем, и судно поглощается океаном.

⁸ Гадир – совр. Кадис (Испания).

Крайний Запад, синонимом которого стал упоминавшийся Пиндаром древний Гадес (Гадир), упоминает Данте, узревший его мысленным взором с высоты восьмого неба [29, с. 597]:

«Я видел там, за Гадесом, шальной
Улиссов путь...».

Множество других примеров использования выражения *non/ne plus ultra* (или аналогичных ему по смыслу) приведены и проанализированы в статье Э. Розенталя [30].

Следует отметить, что символика Геркулесовых столпов имела еще одну коннотацию: столпы символизировали не просто границу области, западнее которой плавать опасно, но тот предел, за которым нет обитаемых земель, а может быть, и земель вообще.

Испанский историк, путешественник, мореплаватель, писатель и ученый Педро Сармьенто де Гамбоа (*Pedro Sarmiento de Gamboa*) (1532–1592) [31] в своей знаменитой «Истории инков» (ок. 1572 г.) утверждал, что Геракл, достигнув пролива, ведущего в океан, решил, что далее никаких земель нет, и соорудил две колонны с надписью «*Ultra Gades nil*», т. е. за Кадисом нет ничего. И далее Сармьенто пишет, что после открытия Америки император Карл V исправил надпись, удалив слова «*Gades nil*» и вставив перед «*Ultra*» слово «*Plus*», что в понимании Сармьенто означало наличие многих земель к западу от Гибралтарского пролива [32, с. 27–28].

Историкам не удалось обнаружить источников, относящихся к периоду до 1590-х гг., в которых использовалось бы латинское выражение «*Non/Ne Plus Ultra*». Близким по смыслу было выражение «*Ad Herculis Columnas*», которое можно встретить в «Пословицах» (*Adagia*) Эразма Роттердамского (*Desiderius Erasmus Roterodamus*; ок. 1466–1536), который в свою очередь ссылался на оды Пиндара [33, fol. 212^v].

Только в самом конце XVI столетия можно встретить использование фразы «*Non/Ne Plus Ultra*» в контексте символики Геркулесовых столпов [34, с. 8], [35, с. 46], а в XVII в. девиз Карла V стали интерпретировать как измененный вариант этой фразы (см., например, [36, fol. 136–136^v]). История же императорского девиза, который и сегодня вместе с изображением геракловых колонн украшает государственный герб Испании, вкратце такова.

Мотто было предложено в 1616 г. юному Карлу, тогда еще королю Испании, его врачом и советником Луиджи Марлиано (*Luigi Marliano*) (1521–?). По свидетельству Паоло Джовио (*Paolo Giovio*; 1483–1552), изобретателем импрессы⁹ «был замечательнейший человек по имени маэстро Луиджи Марлиано из Милана, который был врачом Его Величества и умер епископом Туи (город в Галисии, Испания. – *Авт.*), и помимо прочих достоинств он был еще великим математиком» [37, с. 14]. Марлиано в свою очередь опирался на французский рыцарский роман, написанный в 1460-х гг. по заказу герцога Бургундии Филиппа Доброго священником Раулем Лефевром (*Raoul Le Fèvre*), *Recueil des Histoires de Troye* («Собрание повествований о Трое») [38]. Одна из переработок этого романа, сделанная по заказу Жака Арманьяка, герцога де Немура (*Jacques d'Armagnac, duc de Nemours*) (1433–1477) около 1470 г., получила название *Le Livre du fort Hercules* («Книга о могучем Геркулесе») [39, с. 23–27]. Роман, как и его переработки, пользовался большой популярностью в XVI в. и позднее. Как сообщает

⁹ *Impresa* включала в себя две части: изображение («тело») в сочетании с девизом *motto* («душой»). Она выражала особенности характера, идеи, принципы, цели или события жизни конкретного человека и служила средством его самовыражения.

Лефевр, статую Геркулеса, находившуюся на одной из скал Гибралтарского пролива, некогда украшала надпись: «*Ne passe oultre pour quérir terre / Ne pour loigz royaulmes conquerre. / Plus en occident t'en yras, / Et moins de terre trouveras*» (Не идти далее ни в поисках земли, / ни для завоевания отдаленных царств. / Чем дальше продвигаетесь к западу, / тем меньше будете встречать суши) [40, с. 371]. Возможно, Лефевр был знаком с этими строчками Данте или, что более вероятно, с французским переводом «Божественной комедии» XV в. [30, с. 219]. Мотто «*Plus Ultra*» напоминало также боевой клич крестоносцев: «*Oltrée*» или «*Outrée*» (или лат. «*Ultreia*»), – «Вперед!»¹⁰.

Во франкоязычных регионах Империи при жизни Карла V и некоторое время после его смерти, как правило, использовался французский вариант девиза «*Plus Oultre*». Но когда в сентябре 1517 г. Карл прибыл в Испанию, и эта надпись, помещенная между изображениями двух колонн, символизировавших Геркулесовы столпы, красовалась на грот-парусе его корабля, кастильским грандам такой галлицизм пришелся не по душе. Пришлось изменить мотто на политически нейтральную латинскую кальку – «*Plus Ultra*». Однако французский «след» остался: в классической латыни девиз императора должен был бы выражаться словом *Ulterior* или *Ulterius* (*compar.* к *ultra*) – «еще дальше», а в получившем распространение варианте «*plus*» – *Nom. Sg.*, имеющий значение «большая часть», «больше», тогда как «*ultra*» (*praep.*) означает «дальше», «за», «за пределами», т. е. в соотнесенности с символикой столпов смысл мотто сводится к простой констатации факта: «за пределами столпов есть много земель» (как, кстати, это иногда и трактовалось в XVI веке, например Джироламо Руселли (*Girolamo Ruscelli*) (1520–1566) [42, с. 112–113, 218]. Но если воспринимать «*plus*» как кальку с французского, то девиз приобретает иной смысловой оттенок и воспринимается как призыв идти дальше, за границы дозволенного, как это выражение и трактовалось и Карлом, и позднее Бэконом.

Заложник судьбы. В заключение следует сказать несколько слов о других контекстах гравюры. В ее нижней левой части изображен дельфин как символ быстроты движения, а также дружеской предрасположенности к морякам. (Вспомним строки Данте: «... Мореходам знак дают дельфины, / Чтоб те успели уберечь свой струг, / И над волнами изгибают спины» [29, с. 144]). Смысл бэкониианской символики ясен: несмотря на обширность океана и опасность плавания в нем (что символизирует голова морского чудовища справа от корабля), в итоге продвижение к новому знанию будет быстрым, и сама изучаемая природа поможет исследователю.

Разумеется, Бэкону был известен древнегреческий миф об островах блаженных (Элизиуме), на которых пребывали люди, получившие бессмертие от богов, и которые располагались на крайнем Западе. Платон в «Тимее» и «Критии» утверждал, что к западу от Атлантиды находится цепь островов, ведущая к неизвестному континенту. После открытия Колумба, имя которого Бэкон в своих сочинениях упоминал неоднократно, многие уверяли, что генуэзец открыл именно этот континент.

Образ корабля также имел важный смысл: он символизировал как прогресс в освоении мира, так и плодотворность коллективных усилий. На гравюре изображены два корабля – один вдалеке, он направляется к неведомым берегам, второй возвращается из дальне-

¹⁰ На некоторых медалях Карла V 1530 г. имеется надпись «*Plus outre*».

го плавания, нагруженный товарами и предметами. Направление движения этого второго корабля (из Океана в Средиземное море) важно, поскольку подчеркивает практическую пользу («плодоносность») исследовательской деятельности, направленной на получение нового знания, о чем Бэкон не раз писал в своих сочинениях. *Instauratio magna* была проектом выхода человечества в открытое пространство научного поиска, что нашло свое символическое воплощение в гравюре этого трактата [43, с. 70].

Вместе с тем эта замечательная по своей лаконичности, выразительности и контекстуальной глубине гравюра имела также эмоционально-личностный контекст: она отразила мечту Бэкона вырваться из замкнутого мира бюрократической рутины на простор свободного философского плавания. Как известно, Бэкону не повезло: его отец, сэр Николас Бэкон (*Nicolas Bacon*) (1509–1579), лорд Канцлер Англии, в последние годы жизни занимался покупкой земель для своих сыновей от второго брака Энтони и Фрэнсиса, но его внезапная смерть в феврале 1579 г. разрушила все надежды братьев на хорошее наследство, поскольку сэр Николас не успел завершить все формальности. Это означало, что братьям пришлось самим зарабатывать себе на жизнь. Впоследствии Ф. Бэкон неоднократно повторял, что, если бы ему досталось приличное наследство, он смог бы целиком посвятить себя философским и натурфилософским изысканиям и завершить свой проект. В 1605 г., посылая только что изданный *The Proficiencie* сэру Томасу Бодлею (*Thomas Bodley*) (1545–1613), Бэкон писал: «Думаю, никто не может с большим основанием, чем я, сказать о себе словами псалма *Multum incola fuit anima mea [cum his, qui oderunt pacem]*¹¹. Ибо я вынужден признать, что с тех пор, как я стал что-либо понимать, душа моя, в действительности отсутствовала в том, что я делал; и это послужило причиной многих ошибок, среди коих наибольшая <...> заключается в том, что, зная свою натуру, побуждающую меня скорее сидеть над книгой, нежели играть ту роль, которую мне приходится играть, я провел свою жизнь в делах мирских, занимаясь гражданским судопроизводством, для которого не очень пригоден по своей природе и еще менее пригоден по своему душевному складу» [6, т. 10, с. 253].

Когда-то молодой А. С. Пушкин написал про П. Я. Чаадаева [44, т. 1, с. 371]:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарской.

Mutatis mutandis эти строки можно отнести и к Фрэнсису Бэкону – британскому Платону, по несчастливому стечению обстоятельств вынужденному провести большую часть жизни в оковах королевской бюрократии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 1977–1978.
2. Bacon F. *Franciscy de Verulamio, summi Angliæ cancellarij instauratio magna*. Londini: Apud Ioannem Billium typographum Regium, 1620.
3. Coleridge S. T. *On the Constitution of the Church and State*. London: Hurst, Chance & Co., 1830.
4. Bacon F. *The Two Bookes Of the Proficiencie and Advancement of Learning, divine and humane. To the King*. London: Printed for H. Tomes, 1605.

¹¹ В синодальном переводе: «Долго жила душа моя с ненавидящими мир» (Пс. 119:6).

5. Bacon F. *The Works* / Ed. by J. Spedding, R. L. Ellis, D. D. Heath. In 15 vols. Boston: Houghton, Mifflin and Co., 1857–1874.
6. Bacon F. *The Works* / Ed. by J. Spedding, R. L. Ellis, D. D. Heath. In 14 vols. London: Longman and Co., 1857–1874.
7. Федоров С. Е. Посмертные изображения монарха в раннестюартовской Англии // Тр. ист. ф-та С.-Петербур. ун-та. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. С. 366–381.
8. Williams J. *Great Britains Salomon*. London: Printed by [Eliot's Court Press for] John Bill, 1625.
9. Parry G. *The Golden Age restored: the Culture of the Stuart Court, 1603–1642*. Manchester: Manchester Univ. Press, 1981.
10. *The Letters of John Chamberlain: in 2 vols. 1st ed.* / Ed. by N. E. McClure. Philadelphia: American Philosophical Society, 1939.
11. Scott-Warren J. *Early modern English literature*. Cambridge: Polity Press, 2005.
12. Rees G. *Introduction // The Instauration Magna, Part II: Novum Organum and Associated Texts* / Ed. by G. Rees, M. Wakely. Oxford; New York: Clarendon Press, 2000. P. XIX–CXXVIII.
13. Wakely M. *Printing and double-dealing in Jacobean England: R. Barker, J. Bill, B. Norton* // *The Library*. 2007. Vol. 8, № 2. P. 119–153.
14. García de Céspedes A. *Regimiento de Nauegación*. Madrid: En casa de Iuan de la Cuesta, 1606.
15. Киссель М. А. *Великое восстановление веры. Британский Платон*. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2014.
16. Brahe T. *Astronomiae instauratae progymnasmata*. Uranienborg, 1592.
17. Cooper Th. *Thesaurus Linguae Romanae & Britannicae*. Londini: In aedibus quondam Bertheleti, 1565.
18. Рабле Ф. *Гаргантюа и Пантагрюэль* / пер. с фр. Н. Любимова. М.: ЭКСМО, 2006.
19. *Biblia sacra, sive Testamentum Vetus*. Amstelodami: Apud I. I. Schipper, 1619.
20. *Testamenti V. Biblia sacra, sive, libri canonici priscae Iudæorum Ecclesiae à Deo traditi, Latini recens ex Hebræo facti ab I. Tremellio & Francisco Junio*. Londini: excudebat G. B. R. N. & R. B., 1592–1593.
21. Дмитриев И. С. Хромой, обгоняющий бегуна (*Instauration Magna Scientiarum* Ф. Бэкона как проект создания эффективной институализованной науки) // *Социология науки и технологий*. 2015. Т. 6, № 4. С. 9–33.
22. Apollodorus. *The Library: in 2 vols.* / engl. transl. by J. G. Frazer. London; New York: W. Heinemann: G. P. Putnam's sons, 1921.
23. Помпоний Мела. *О положении земли: кн. для чтения* // *Античная география* / пер. С. К. Апта, сост. М. С. Боднарский. М.: Гос. изд-во геогр. лит. 1953. С. 176–237.
24. Диодор Сицилийский. *Греческая мифология* / пер. с древнегреч., статья, коммент. и указ. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000.
25. Kretschmer K. *Die Entdeckung Amerika's in ihrer Bedeutung für die Geschichte des Weltbildes*. Berlin: W. H. Kuhl, 1892.
26. Пиндар. *Вакхилид. Оды. Фрагменты* / сост. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1980.
27. Платон. *Сочинения: в 4 т.* / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. 2006–2007.
28. Guido de Columnis. *Historia destructionis Troiae* / ed. by N. E. Griffin. Cambridge, Mass.: The Mediaeval Academy of America, 1936.
29. Данте А. *Божественная комедия* / пер. с итал. М. Лозинского. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1961.
30. Rosenthal E. *Plus Ultra, Non Plus Ultra, and the Columnar Device of Emperor Charles V* // *J. of the Warburg and Courtauld Institutes*, 1971. Vol. 34. P. 204–228.
31. Свет Я. М. *В страну Офир: Педро Сармьенто де Гамбоа*. М.: Мысль, 1967.
32. S. P. Gamba de. *Historia de los Incas*. 2 ed. Buenos Aires: Emecé, 1942.
33. Desiderius E. *Erasmi Roterodami Adagiorum Chiliades Tres. Coloniensis incolae*, 1514.

-
34. Horozco A. de. Historia de la ciudad de Cádiz. Cádiz: Ayuntamiento, 1845 (первое изд. 1598 г.).
35. Soto H. de. Emblemas Moralizadas: con tador y veedor de la casa de Castilla de su Magestad. Madrid: I. I. de Lequerica, 1599.
36. Mendez de Silva R. Catalogo real, y genealogico de España. Madrid: Mariana de Valle, 1656.
37. Giovio P. Dialogo dell'impresie militari et amorose. Vinegia: G. Giolito de' Ferrari, 1557.
38. McKendrick S. The Great History of Troy: a Reassessment of the Development of a Secular Theme in Late Medieval Art // J. of the Warburg and Courtauld Institutes, 1991. Vol. 54. P. 43–82.
39. Jung M. R. Hercule dans la littérature française du XVIe siècle: De l'Hercule courtois à l'Hercule baroque. Genève: Droz, 1966.
40. Lefèvre R. Le Recueil des histoires de Troyes. Bruges: William Caxton, 1476–1477.
41. Whitney Ch. Francis Bacon's Instauratio: Dominion of and over Humanity // J. of the History of Ideas. 1989. Vol. 50. P. 371–390.
42. Ruscelli G. Le Impresie illustri con espositioni, et discorsi. Venetia: Francesco Rampazetto, 1566.
43. Kusukawa S. Bacon's classification of knowledge // The Cambridge Companion to Bacon / Ed. by M. Peltonen. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1996. P. 47–74.
44. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука. 1977–1979.
-

I. S. Dmitriev, V. P. Krepostnova
 Saint Petersburg State University

BOUNDARIES AND HORIZONS OF KNOWLEDGE (THE FRONTISPIECE OF F. BACON'S «INSTAURATIO MAGNA»)

F. Bacon, like many other philosophers of the early modern era, highlighted the importance of artistic representation of his philosophical concepts. F. Bacon's innovative ideas are revealed not only through actual philosophical narrative, but also through the interpretation of mythological and historical subjects, as well as through the complex symbolism of engravings adorning the title pages of the works of the English philosopher. The famous engraving on the frontispiece of F. Bacon's treatise "Instauratio Magna" (1620) expresses metaphorically the idea of science development project presented in this work. The article regards the symbolism of this engraving and its historical and philosophical contexts.

Francis Bacon, Instauratio Magna, New Organon, frontispiece, the pillars of Hercules
